

ОБРАЗ КАК КОНЦЕПТ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Г. А. Пауль-Кирокосьянц

Институт русского языка

*Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, г. Москва, Россия, paulgayane@gmail.com*

В статье исследуется образ как концепт культуры личности, роль культуры в образовании концептуального уровня языка и, как следствие, влияние культуры как системы концептов на все уровни языка. Язык – система словесных символов, которые основаны на образах, и эта система выстроена культурой. Образ, определяемый культурой, управляет нарративом, семантикой, грамматикой, дискурсом и даже фонологией. И как результат мировоззрение личности вбирает в себя все вышеперечисленное.

Ключевые слова: образ; язык; концепт; культура; концептуализация; личность; лингвокультурология.

Мысль о том, что образ – это концепт, высказывалась лингвистами и антропологами еще в середине прошлого века. В мультикультурном обществе многообразие культурных кодов и концептов часто приводит к недопониманию людей, говорящих на, казалось бы, одном языке. «Мы читали разные книги», – говорим мы, когда происходит дисконнект с собеседником. Культурный пласт, вспаханный в свое время, создает разноцветие матриц с закристаллизованными образами, через которые каждый индивид и рассматривает мир, анализирует, перекраивает, добавляя парочку сияющих кристаллов в матрицу собеседника.

Интерес к образу и выделение его как основного определяющего концепта лингвокультуры не новы. Еще в работах Б. Уорфа лингвистическая антропология уделяла внимание образу, и определенные лингвисты подчеркивали важность образа в своих теориях.

Представление о том, что язык порождает образ и нуждается в воображении для его интерпретации, может прозвучать как трюизм для поэтов, филологов и культурологов. Но не каждый воспримет его как должное. «Многие лингвисты оставляют понятие образа за скобками своих теорий», – сетовал Г. Палмер, основатель западного крыла лингвокультурологии [5, с. 3]. Что же общего у языка с образом? Слова похожи на птиц – духовные отражения ушедших сородичей из народных преданий: они – мимолетная вокализация, символически привязанная к теням концептов, населяющих мир наших образов.

«Язык – это игра словесных символов, которые являются основой образа» [5, с. 3]. А образ – это и то, что мы видим своим мысленным взором, и то, что мы ощущаем на вкус, когда пробуем клубничное мороженое, это и наше ощущение прогулки под проливным июльским дождем, и память, оставленная от услышанной музыки, и запах свежескошенной травы или первой сорванной сирени. Наша система образов существует за счет жизненного опыта, полученного всеми органами нашего восприятия: визуального, аудиального, сенсорного.

Роль, которую играет образ, широка и многомерна. Нельзя лучше сказать о пробуждении образа к жизни: «Когда вы выбираете слово, вы вытаскиваете вместе с ним целую сцену» [6, с. 114]. Слова пробуждают мысленные образы, которые варьируются от чувственных восприятий, таких как вкус, запах и ощущение в руке ломтя свежеспеченного хлеба с таящим на нем маслом, до концептуальных структур, таких же абстрактных и сложных, как культурологические постулаты истины и любви. В некоторых случаях абстрактность образа заходит так далеко, что более практичным было бы говорить о чертах, культурных аксиомах и утверждениях, которые лучше понимаются на основе предыдущего опыта и более конкретных образов. Дискурс пробуждает устоявшуюся систему образов и инициирует создание новых образов. Параллельно этому процессу образы выстраивают дискурс, и таким образом они становятся взаимно конструктивны. Сквозь века и непрекращающийся поток речи говорящие в языковых сообществах взаимодействуют и договариваются об образах, развивающих мировоззрение данной языковой группы. Старые или новые нежелательные образы фильтруются. Э. Сепир называл этот процесс тернистой и безызвестной работой бессознательного поколений. «Изучать язык – это слышать шум культуры, борющейся с сырым опытом», звук традиции, пытающейся абсорбировать зачатки [1, с. 19–86], это скворчащее слияние текста и контекста. В работе «По пути к теории культурной лингвистики» Г. Палмер тщательно и детально разбирает тему образа в языке и культуре. Образ для него – это система концептов. Ф. Шарифиан [7; 8] подытожил позднее, что лингвокультурология исследует взаимодействие языка, культуры и концептуализаций. Концептуализации основаны на базе культуры, в которой вкодированы и коммуницированы концепты посредством человеческих языков. Западные лингвисты большей частью признавали культурные знания как основу только лексической составляющей центральных аспектов грамматики. Прорывом было мнение Р. Лангакера [4, с. 31–33], что «в то время как значение отождествляется с концептуализацией, познание на всех уровнях одновременно воплощает и воплощается». Однако до конца прошлого века роль культуры как системы концептов на всех уровнях

языка не была адекватно и четко воспринята. Мысль о том, что язык – это система словесных символов, которые основаны на образах [5, с. 3], и что система этих образов выстроена культурой, была высказана лингвистом-антропологом Г. Палмером, который утверждал, что образ, определяемый культурой, управляет нарративом, семантикой, грамматикой, дискурсом и даже фонологией.

Образы – это мыслительные представления, изначальные концептуальные аналоги немедленного восприятия периферийных органов чувств, но поскольку они являются аналогами периферийного опыта, они, следовательно, выступают необъективными аналогами-концептами окружающего мира, при помощи которых мы истолковываем общество, явления природы, нас самих, органические или мыслительные процессы и то, что мы часто называем реальностью или миром вокруг нас. Эти концептуальные схемы заранее учат наши органы восприятия, как реагировать на ограниченное количество вариантов событий, полученных на основе чувственного опыта, как если бы мы пролистывали энциклопедию в поиске только определенных тем. Образы, основанные на таком отфильтрованном опыте, могут только частично отображать окружающий мир и часто сильно искажать его. Ни один из наших опытов не приходит к нам как чистое ощущение вне контекста или интерпретации.

Способность человека к созданию образов до сих пор оставляет открытыми много вопросов: как эта способность развилась и почему она должна быть так близко связана с языком и культурой? Одним из путей установления связей языка и образа с культурой является предположение, что они способствуют эффективности культурных адаптаций. Такое явление, как новояз, – яркий пример адаптивности культуры, так же как и возникновение разнообразных субкультур. По мнению антропологов, язык появился, чтобы обслуживать многие функции в социуме, но, возможно, самой главной причиной его появления в эволюции явилось то, что он обеспечивает средства, при помощи которых говорящие могут пробуждать и укреплять адаптивные образы друг в друге. Общаясь при помощи языка, жестов и других символических средств, люди работают сообща, создавая и конструируя совместные миры образов, которые моделируют физические и социальные феномены, мир вокруг них и мотивируют их к взаимодействию. При помощи дискурса, символов люди создают адаптивные культуры и мировоззрения. Образы адаптивны, но часто абстрактны, метафоричны, частичны, иллюзорны и фантазмагоричны. В основном мы общаемся в мыслительных образах, и язык позволяет нам это делать очень быстро [5, с. 53]. Теоретически человек способен выражать комплексы некоторых базовых и абстрактных образов в секунду. Способность коммуницировать образы так быстро дает чело-

веку огромное преимущество. Эта способность быстро комбинировать и интерпретировать морфемы в соответствии с грамматической согласованностью возникла в процессе эволюции. Также возникла возможность обсуждать сложные идеи, созданная в социальном и языковом пространстве, которая в свою очередь порождает мыслительные способности рассматривать такие идеи. Язык и воображение развивались во взаимной связи друг с другом в процессе взаимного подкрепления. Каждый из членов этой связки способствует употреблению другого и дает дополнительные преимущества. Эволюция способности концептуализировать сложные социальные и социолингвистические паттерны в значительной степени движима языком. Когнитивная специализация социальных и социолингвистических организаций дает людям возможность вообразить некоторые более сложные схемы.

Так как восприятие обрамлено отфильтрованными образами или образностью ментальных образов либо автономных событий, которые выстроены культурой, практически все образы созданы культурой или личной историей; образы или социально сконструированы, или встроены в социальные конструкции. И наша фантазия не является зеркальным образом реальности. Фантазии, создавшие фольклор, великие мифы древности, сегодняшнюю урбанистическую культуру и классическую литературу, являются социально мотивированными конструкторами культуры. Если мы проанализируем фантазмы современной мифологии, например комиксы либо многомиллионные блокбастеры о супермене или вандервумен, то поймем, что они состоят из сложных образов, являясь конечным результатом обработки большого количества трудов рассказчиков и зрителей, начиная с мифов Древней Греции и Рима. Каждый пересказ, анализ или рассказ истории подвергаются мыслительным процессам, которые выбирают, создают, реконструируют, абстрагируют, искажают, переоформляют их содержание в определенной культуре в нарративные схемы, так что содержание каждой истории через поколение вырастает почти незаметно и незначительно дальше от более конкретных образов, которые ближе к аналогам восприятия окружающего мира [5, с. 50]. Нарративные схемы часто трудно четко отделить от заурядной реальности, потому что они так детально закреплены в культуре, их так легко создать, поскольку каждое рассмотрение или рассказывание требует минимальной креативной интерпретации. В 1970-х гг. была проведена серия экспериментов [2, с. 3–16], в результате которых были сделаны выводы, что образы легче всего создать и труднее всего отделить от восприятия событий или каждодневной реальности. Ведь часто воображение имеет очень близкое детальное сходство с восприятием, пробуждая и подкрепляя образ большим количеством деталей, заученных действий и логиче-

ских ходов мышления. Это облегчает задачу своим участникам в конструировании этих образов и, соответственно, затрудняет отделение их от опыта восприятия. Такие социально выстроенные, неэмпирические системы мысли образуют когнитивные модели, которыми интерпретируется сырой опыт. Как мы подчеркивали ранее, понятие образа включает и невизуальный образ.

Есть также слуховые, обонятельные образы и образы того, как нематериальные силы воздействуют на нас. В этом отношении интересно отметить, что при анализе сцен, воспринятых на слух, люди возрождают описание каждого отдельно взятого объекта в своем аудиальном мире. Поэтому образы всех сенсорных модальностей должны быть учтены в изучении языка, хотя большинство изысканий ученых концентрируется на визуальных образах. Предложение расширить концепцию образа, используя термины «сенсорный образ», «визуальный образ», «аудиальный образ», выдвигалось лингвистами еще в конце прошлого века, но ограничивалось использованием этих терминов до возникновения чувственного ощущения в отсутствие предоставленных сведений. Тот самый «образ, который пробуждается, когда мы закрываем глаза и воображаем сцену» [3, с. 11] включает в себя не только визуальные, но и идеальный и, возможно, сенсорный образы. Поэтому предложение расширить концепцию образа является наиболее разумным и всеохватным. Наши толкования данной нам ситуации варьируются и в перспективе, и в зависимости от угла зрения и т. д. Можно провести различия между метафорой (или образным языком), сенсорными образами и различными общепринятыми, но временными мимолетными образами, пробуждаемыми чередующимися толкованиями сцены на заднем плане. Сложно провести разграничительную черту между изначальным образом и образом из периферийного события, полученным немедленно, в реальном времени от сенсорного опыта чувств, когнитивной моделью или сценой, особым толкованием модели или сцены с точки зрения уровня абстракции или, напротив, определенных конкретных деталей относительно сравнительной важности ее компонентов или в отношении связей, организации ее основания, и формы и перспективы, с которой он или она рассматриваются. Все это легче отделить и разграничить в теории, чем на практике, так как восприятие руководствуется познанием. Или же толкуемый образ либо модель могут служить каркасом интерпретации для образа-источника или изначального источника. Образ-источник или изначальный образ может добавить определенное содержание к истолкованному образу с одной стороны, но потерять из этого содержания в процессе фильтрации – с другой.

Благодаря лингвокультурологии (cultural linguistics) как науке стало возможным проанализировать и понять, как культурные схемы и модели управляют мыслительными процессами, и внести свою лепту в развитие таких наук, как межкультурная коммуникация, нейропрограммирование, политология и многие другие.

До появления cultural linguistics (западное название лингвокультурологии) межкультурная коммуникация рассматривалась в основном с точки зрения лингвистической антропологии. Лингвокультурология обозначила важность культурных концептов, которыми пользуются говорящие. Ведь с их помощью обеспечивается основа построения интерпретации и интеграции межкультурных значений. В определенных контекстах межкультурная коммуникация показывает различия в том, как разные группы говорящих концептуализируют свои ощущения и опыт. Даже в одном языке существует множество культурных концептов, относящихся к различным поколенческим и диалектным слоям языка. Это особенно важно при анализе и разработке различных концепций в языках международного общения, которыми пользуются носители второго «родного» языка, *lingua franca*, такого, как, например, русский, английский или французский языки. Очень важно учитывать дополнительные или иные непривычные смыслы, привносимые в речь билингвами, носителями второго «родного» языка и представителями разных диалектных групп.

Новейшие разработки в области public relations и в политтехнологиях используют лингвокультурологический подход. В политической риторике уделяют большое внимание метафорам как культурным концептам, понимая, что политические метафоры часто берут начало в определенных идеологиях и культурных моделях, и стараются избежать провокативных и конфликтных коннотаций.

Исследования в области культурных концептов, от образов до сложных схем, идут полным ходом. Результаты анализа различных срезов лингвокультур продолжают служить толчком для инноваций в, казалось бы, устоявшихся классических и сравнительно молодых дисциплинах. В совместных работах психологов, культурологов, лингвистов, философов, этнографов и других ученых совершаются новые открытия в области человеческого сознания, понимания различных микро- и макрокультур и, как следствие, находятся новые решения, которые помогут улучшить процесс обучения и избежать недопонимания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Fillmore, Ch.* Topics in Lexical Semantics / Ch. Fillmore // Current Issues in Linguistics / ed. by R. W. Cole. – Bloomington : Indiana Univ. Press, 1975. – P. 19–86.

2. *Johnson, M. K.* Reflection, Reality Monitoring, and the Self / M. K. Johnson // *Mental Imagery* / ed. by R. G. Kunzendorf. – New York : Plenum Publishing Ltd, 1991. – P. 3–16.
3. *Langacker, R. W.* Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar / R. W. Langacker. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1990. – 395 p.
4. *Langacker, R. W.* Foundations of Cognitive Grammar : in 2 vol. / R. W. Langacker. – Stanford : Stanford Univ. Press, 1987. – Vol. 1 : Theoretical Prerequisites. – 540 p.
5. *Palmer, G. B.* Toward a theory of cultural linguistics / G. B. Palmer. – Austin : Univ. of Texas Press, 1996. – 348 p.
6. *Peeters, B.* Does Cognitive Linguistics live up to its name? / B. Peeters // *Language and Ideology* : in 2 vol. / ed. by R. Dirven, B. W. Hawkins, E. Sandikcioglu. – Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins, 2001. – Vol. 1 : Cognitive Theoretical Approaches. – P. 83–106.
7. *Sharifian, F.* Advances in Cultural Linguistics / F. Sharifian // *Approaches to Language, Culture, and Cognition. The Intersection of Cognitive Linguistics and Linguistic Anthropology* / ed. by M. Yamaguchi, D. Tay, B. Blount. – Houndsmills ; Basingstoke ; New York : Palgrave Macmillan, 2014. – P. 99–123.
8. *Sharifian, F.* Conceptualisations and Language. Theoretical Framework and Applications / F. Sharifian. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2011. – 238 p.